

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ И ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2012 Д.В. Каменщик

кандидат экономических наук

Московский государственный институт электроники и математики

(технический университет)

E-mail: OET2004@yandex.ru

За последние три десятилетия финансовые рынки претерпели глубокие изменения: резко возросли трансграничные потоки капитала, на рынках появились новые сложные финансовые инструменты, значительно повысились скорость и простота проведения расчетных операций, стали надуться ценовые “пузыри” на рынке финансовых активов.

Ключевые слова: реальный и финансовый сегменты экономической системы, финансовые шоки, длинные волны технологических революций, ценовые “пузыри”, финансовые инструменты, финансовые активы, глобальные рынки.

Системный подход к трактовке мировой экономики позволяет выделить две составляющие организационных процессов в ее рамках: один из них сводится к увеличению количества участвующих в международных экономических отношениях национальных хозяйственных подсистем, другой - к укреплению уже сложившихся структурных связей между ними, что имеет следствием формирование функциональной взаимозависимости участников разной национальности¹.

Исключительно полезна в данном случае конкретизация К. Марксом сущности указанных организационных механизмов, также связанных между собою диалектически. Речь идет о такой их форме, как международное разделение (обособление, специализация) экономической деятельности разной национальности, с одной стороны, и параллельного формирования структурных связей на основе ее транснациональной интеграции (кооперации, объединении) - с другой. Методология, впервые положенная К. Марксом в основу дифференциации или специализации труда в национальном хозяйстве, остается актуальной и при исследовании ее международных форм проявления. По его мнению: “Если иметь в виду лишь сам труд, то разделение общественного производства на его крупные роды, каковы земледелие, промышленность и т.д., можно назвать общим (*im Allgemeinen*) разделением труда; распадение этих родов производства на виды и подвиды - частным (*im Besonderen*) разделением труда, а разделение труда внутри мастерской - единственным (*im Einzelnen*) разделением труда”².

Используя диалектический подход к трактовке явления специализации экономической деятельности между субъектами разной национальности, можно с определенностью выделить соответствующую ей форму объединения. Становясь устойчивой, эта система взаимосвязей экономических агентов поверх национальных границ формирует структурные уровни мировой экономики, изменение которых происходит под воздействием шоков.

На основе международного общего разделения труда сформировалась такая организационная форма взаимосвязей, как внешняя торговля, обеспечивающая трансграничное движение разнообразных материальных благ между национальными экономиками. Дальнейшее ее развитие обусловило специализацию хозяйственных систем на экспорте и импорте продукции крупных сфер материального производства. Эта тенденция была преобладающей до середины 50-х гг. прошлого столетия, когда в структуре мирового товарного оборота львиную долю занимали товары, отражающие общее разделение труда.

Позднее на базе международного частного разделения труда сформировалась межотраслевая и внутриотраслевая специализация хозяйственной деятельности различных стран, организационно представленной стабильными трансграничными (поверх границ) потоками капиталов различной национальности, которые укрепляли связи между национальными подсистемами глобальной экономики, обусловленными внешней торговлей товарами и услугами³. Начиная с 1960-х гг. ускорение

роста мирового товарного обращения объясняется структурными изменениями в мирохозяйственной сфере, сближением хозяйствующих субъектов, углублением международной специализации, связанной с выходом за национальные рамки сначала частного (внутриотраслевого), а затем (1970-е гг.) и единичного (поузлового и технологического) разделения труда. Международное единичное разделение труда послужило объективной основой организации таких форм хозяйственной деятельности, как транснациональные (многонациональные) корпорации, которые явились микроструктурами не столько национальной, сколько глобальной экономики.

Другими словами, в процессе укрепления международных экономических отношений, превращения их в постоянно действующие, неизменно воспроизводимые возникали, формировались диалектические пары участников международных экономических отношений, которые, с одной стороны, стали зависеть исключительно от устойчивости взаимосвязей экономических агентов разной национальности, а с другой - представлять собою те структурные связи глобальной экономики, которые создавали в ее границах внешнюю среду функционирования интегрирующих в нее таких национальных хозяйств. Именно эти связи опосредовали выход сначала третьей и первой стадий национального воспроизводства за пределы стран, а затем и второй ее стадии, создав, таким образом, оперативно действующий механизм передачи воздействия внешних по отношению к национальным подсистемам факторов.

Такое качество международных экономических связей означает ограничение возможностей обособленного развития национальных хозяйств, для которых внешний фактор превращается в приоритетный с точки зрения определения вектора их долгосрочного развития. Философская трактовка организационных процессов в рамках глобальной экономики позволяет рассматривать их через призму формирования диалектических отношений по поводу обмена материальными и нематериальными активами между участниками разной национальности, формирующими диалектические пары. На этом основании можно сделать однозначный вывод о том, что такого качества международные экономические отношения:

во-первых, укрепляют зависимость национальных подсистем, представителями которых являются их участники;

во-вторых, превращаются в идеальный механизм передачи шоковых воздействий от одного из участников диалектических пар к другим в зависимости от тех проблем, которые могут возникнуть в национальной среде по системе прямых и обратных связей;

в-третьих, делают невозможным одностороннее решение проблем участниками диалектической пары в мировой экономике с ориентацией исключительно на национальные возможности вне и независимо от состояния глобальной мегасистемы;

в-четвертых, определяют приоритет решения проблем нарушения международных экономических отношений (как разрыва непрерывности) в мировой экономике на глобальном уровне в качестве основы восстановления "непрерывности" на уровне национальных экономических подсистем. Это обусловлено тем, что разрыв диалектических связей в рамках мировой экономики влечет за собой шоковые последствия для их участников в силу невозможности быстрого замещения партнеров и объектов обмена между ними.

Именно разрыв непрерывности под влиянием шоков уничтожает существовавшие механизмы восстановления равновесия на национальном уровне⁴. Это, с одной стороны, а с другой - с точки зрения глобальной экономики на этой основе восстанавливаются новые диалектические пары, опосредующие международный обмен материальными и нематериальными благами и услугами, что и обуславливает новое качество структурных связей между национальными подсистемами на глобальном уровне.

Формирование постоянно надстраивающихся над национальными системами образований, повторяющих последние по своему образу и подобию, но на более высоком структурном уровне, представляет собой не что иное, как процесс организации диалектических пар, которые осуществляют взаимный обмен материальными и нематериальными благами. Такая трактовка организационных процессов на глобальном экономическом пространстве позволила получить результаты, которые подтверждаются основателем современной фрактальной геометрии - Б. Мандельбротом. Именно он использовал фрактальную геометрию в качестве математического аппарата определенной инвариантности в физическом мире: пространственных и временных структур, остающихся неизменными даже при изменении

масштаба наблюдений. В его понимании фрактал выступает образованием, обладающим особым видом инвариантности или симметрии, особой связью между целым и его частями, когда “целое можно разбить на меньшие части, но каждая будет его повторением”⁵. “...Тогда мультифрактал (в нашем случае глобальная экономика. - К.Д.)... - это структура или объект, в которых присутствует более одного масштабного коэффициента, т.е. некоторые части целого уменьшаются (уменьшается их роль. - К.Д.) быстрее, другие - медленнее”⁶. Именно множественное совпадение дисбалансов в структурных связях в национальных подсистемах и в рамках глобальной мегасистемы дают эффект разрыва непрерывности, когда перестают действовать законы поддержания и восстановления целостности (равновесия) на каждом из упомянутых выше уровнях.

В свете положений Б. Мандельброта можно углубить сущностное представление о шоках как механизмах реализации этих разрывов непрерывности⁷: именно они сопровождают качественные скачки в диалектике системы глобальной экономики (или ее национальных подсистем), свидетельствующие о приобретении ею нового качества в состоянии структурных связей, обуславливающих ее целостность. Будем различать результаты воздействия шоков в контексте разрывов диалектических связей по поводу обмена материальными товарами и услугами (при выходе за национальные границы 3-й стадии процесса национального воспроизводства), в процессе транснационального движения финансовых ресурсов (при опосредовании международными экономическими отношениями 1-й стадии) и в условиях транснационализации его 2-й стадии.

Известный аргентинский экономист Альдо Феррер связывает восходящую фазу первой волны глобализации с периодом XV/XVI - XVIII вв., когда радикально изменилась вся структура международной торговли. По его оценкам, в 1500 г. до 60 % мирового товарооборота представляли внутриконтинентальные поставки, 34 % - обмен товарами между Европой и азиатскими странами и еще 6 % - африканская торговля⁸. К 1800 г. соотношение стало обратным: на внутрорегиональную торговлю приходилось уже 42 % мирового товарооборота, на новую европейско-американскую торговлю - 25 %, европейско-азиатскую - 22 %. Оставшиеся 12 % отражали торговлю Африки с тремя упомянутыми регионами, причем

примерно половину этой величины составляла работоторговля с Америкой⁹. Однако, в целом, даже к началу XIX в. значительная по тем временам стоимость мирового экспорта (порядка 25 млрд. долл.) не превосходила и 3 % производимого в мире продукта. Глобальный рынок товаров утвердился как самостоятельный сегмент мировой экономики, окончательно сложился и приобрел свою особую динамику в конце XVIII - первой половине XIX в. Начало финансовой глобализации относится к концу XVIII - XIX вв., а ее ускоренное развитие к периоду последней четверти XIX в. - первой трети XX в., что было обусловлено кардинальной перестройкой международного разделения труда.

Разрыв товарных обменов между диалектически связанными экспортерами и импортерами вследствие шоков не вызывал синхронизации колебаний макроэкономической динамики в странах - участницах внешней торговли, поскольку рынок товаров, скорее, олигопольный, монопольный, монополистически конкурентный, но никак не конкурентный. Другими словами, вряд ли существует две одинаковые национальные экономики, дублирующие структуру товарного производства и потребления, объяснением тому является масса различающихся факторов, начиная от количественных параметров (населения, наличия ресурсов, структуры производства, предпочтений в потреблении) и кончая качественными (уровнем экономического развития, склонностью к сбережению, потреблению, инвестициям и т.п.). Следовательно, ценовые шоки на мировых товарных рынках несли шоковые разрушения конкретно для стран-участниц, не синхронизируя их колебания экономической активности на национальном уровне.

Истинная глобализация была связана с обособлением и выходом за национальные границы 1-й стадии процесса воспроизводства, ускоренной революционными преобразованиями производственной (2-й) стадии национального воспроизводства. Именно последние явились тем инструментом, который сделал возможным массированное поглощение финансовых ресурсов в производство на стадии внедрения революционных преобразований средств труда и технологий и расширения масштабов производства товаров.

Формирование неэквивалентного денежного обмена материальных и нематериальных активов связано, во-первых, со стремлением хозяй-

ствующих субъектов отложить текущее удовлетворение своего платежеспособного спроса путем конвертирования его в производные финансовые и товарные инструменты, обращающиеся на мировых финансовых рынках. А во-вторых, невостребованность все более значительных по размерам финансовых активов реальным сектором геоэкономики обусловила обособление в ее рамках подсистемы финансов, развивающихся по своим собственным законам. Это произошло на стадии развития международного единичного разделения труда в рамках транснациональных воспроизводственных комплексов.

По различным подсчетам, от 2/3 до 3/4 потенциальных инвестиционных ресурсов в глобальной экономике не могут быть востребованы транснациональным воспроизводством, что заставляет их изыскивать любую форму вложения, позволяющую сохранить их ценность в течение определенного времени. На этой основе и возник механизм перераспределения вновь созданной в глобальной экономике стоимости (как части валового глобального продукта) на неэквивалентной и долговой основе посредством дифференцированного по активам финансового рынка. Именно он явился основой формирования глобальных финансов, обособленных в системе глобальной экономики, в рамках которых деньги опосредуют движение нематериальных активов, не востребованных в качестве инвестиционных ресурсов реальным сектором транснационального воспроизводства. По этой причине они стали конвертироваться в различного рода деривативы на рынке производных финансовых и товарных инструментов.

Данное обстоятельство, обусловившее отделение реального сектора глобальной экономики от виртуального (оторванного от материальной основы), связанного с финансовыми рынками, было усилено революционным изменением технологической базы осуществления актов купли-продажи активов, требующих для своего совершения платежа, между резидентами разной национальности. Новая информационная революция была реализована в полной мере и дала феноменальную отдачу лишь в сфере финансовых операций, многократно ускорив скорость перемещения финансовых потоков буквально по всему земному шару. В противоположность этому реальный сектор глобальной экономики не смог воспользоваться результатами информационной революции в силу инерции, связанной с огромными

денежными ресурсами, вложенными в специфические активы, которые к ее началу еще не были морально изношены.

Финансы и реальный сектор экономики: инструментарий фрактальной геометрии позволяет Б. Мандельброту математически описывать рынок как турбулентное образование¹⁰. Основным двигателем финансового рынка, по мнению Б. Мандельброта, не стоимость и не цена, а разница цен; не усреднение продажной или покупной цены фондовых инструментов, а арбитраж (одновременная купля и продажа одного финансового инструмента на разных рынках с целью получения прибыли от расхождения цен).

Именно Б. Мандельброт впервые назвал финансовые рынки турбулентными и поставил цель обнаружить порядок в беспорядочном, форму в бесформенном.

Огромный спрос на финансовые ресурсы породил необходимое предложение кредитных и фондовых средств, которые и обеспечивали революционные прорывы в производстве.

Однако на стадии исчерпания возможностей революционных преобразований в промышленности или, как в 2000-х гг., инновационной паузы эта созданная в предыдущих периодах финансовая подсистема перестает быть востребованной в реальном секторе экономики и “отрывается” от породившей ее основы, что свидетельствует о качественном скачке в диалектической связи реального и финансового сегментов уже глобальной экономики. Диалектика отрицания отрицания в данном случае оборачивается приоритетностью финансовых потоков над процессами реального воспроизводства. Именно транснациональное перемещение финансовых потоков по национальным кредитным и фондовым рынкам, которые практически идентично повторяют структуры финансового рынка в странах мира, независимо от их национальности, различаясь лишь приоритетностью банковской или фондовой подсистем, способно синхронизировать макроэкономические динамики в национальных сегментах глобальной экономики. Вследствие этого меняется и качество шоковых разрывов в диалектических связях по поводу обмена нематериальных активов. И чем меньше реальный сектор востребует финансовых ресурсов из циркулирующих на глобальном экономическом пространстве, тем больше возможностей для ценовой “турбулентности”, по словам Б. Мандельброта, тем больше возмож-

ностей для расхождения базовых цен активов и выпущенных под их обеспечение и без всякого обеспечения финансовых инструментов.

Так, под воздействием ценовых шоков на рынках материальных и нематериальных активов, формировалась целостность мировой экономики как система взаимодействия различных форм международного разделения труда: общего и частного, с одной стороны, и единичного внутрикорпоративного (внутрифирменного) - с другой. Организация на их базе разнообразных форм международной кооперации и соответствующих видов обмена хозяйственной деятельностью - проявление закономерностей развития современной глобальной экономики. В результате мировая экономика сформировала собственную структуру, обусловленную совокупностью транснациональных (действующих поверх государственных границ) экономических связей хозяйствующих субъектов (национальных хозяйств, экономических интеграционных группировок, транснациональных корпораций и банков и т.п.) разной национальности. Эти различного рода международные экономические отношения постепенно приобрели качество диалектической взаимозависимости их участников, разрыв которых мог иметь шоковые последствия для соответствующих экономических систем. Формирование диалектических пар в международных экономических отношениях привело к тому, что внешний фактор, представленный мировой экономикой, стал конкурировать с внутренними в определении тенденций развития национальных хозяйств. Одновременно формирование диалектических отношений поверх национальных границ означало, что национальные государства потеряли возможность контролировать все факторы экономического развития своих стран и стали вынуждены адаптироваться к воздействию глобальной экономики и финансов, учитывая их влияние при разработке национальной экономической политики.

¹ На каждом этапе организации целостности глобальной экономики эти две составляющие совмещены в тех или иных пропорциях в каждой конкретной форме международного экономического образования.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. М., 1985. С. 135.

³ Шишков Ю.В. О категории "мировая экономика" // МЭ и МО. 1993. № 4.

⁴ Пилипенко З.А. Влияние глобальных финансовых шоков на мировую экономику: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012.

⁵ Мандельброт Б., Хадсон Р.Л. (Не)послушные рынки: фрактальная революция в финансах: пер с англ. М., 2006. С. 165.

⁶ Там же. С. 254. Экономисты обычно оценивают реальный риск рынка его неустойчивостью, принимая за единицу измерения стандартное отклонение кривой Гаусса. Степенной закон действует, когда высота каждого интервала равна корню квадратному из его ширины (т.е. высота равна ширине в степени 1/2). Согласно стандартной модели финансов, в которой изменение цен описывается кривой Гаусса, вероятность банкротства равна приблизительно 10^{-20} , или одному шансу из ста миллиардов миллиардов. Но, выбирая другую степень, мы генерировали диаграммы с разными уравнениями долгосрочной зависимости. Добавив вертикальные скачки, мы получили диаграммы (хлопковых) цен с "толстыми хвостами" и разрывами. Если цены колеблются бурно, что и продемонстрировал Б. Мандельброт для хлопкового рынка, то шансы стать банкротом стремительно возрастают: речь уже идет об одном шансе из десяти или тридцати (Там же. С. 256, 282).

⁷ Кстати, шоки могут реализовываться разрывы непрерывности на любом структурном уровне экономических систем: на национальном, региональном, глобальном и т.п. И в этом смысле они могут по-разному разрушать механизм эффективных рынков.

⁸ Ferrer A. Historia de globalizacion. Origenes del orden economic mundial. Buenos Aires, 1996. P. 89-93.

⁹ Давыдов В.М., Бобровников А.В., Теперман В.А. Феномен финансовой глобализации. Универсальные процессы и реакция латиноамериканских стран. М., 2000. С. 20.

¹⁰ Мандельброт Б., Хадсон Р.Л. Указ. соч. С. 278.

Поступила в редакцию 07.12.2011 г.